

DOI: 10.25178/nit.2017.1.9

СУБЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ АЛТАЙЦЕВ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И СИМВОЛЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

SUB-ETHNIC GROUPS OF THE ALTAI PEOPLE: CONTRADICTIONS AND SYMBOLS OF A COLLECTIVE IDENTITY

Аржана П. Чемчиева

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения
Российской академии наук

Arzhana P. Chemchieva

Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian branch,
Russian Academy of Sciences

В представленной статье рассматриваются современные этнические процессы, протекающие в среде алтайского этноса и его субэтнических групп. Дается краткий обзор содержания наиболее фундаментальных концепций классификации внутриэтнической структуры алтайцев в отечественной науке. Отмечается, что проблема этнической классификации коренного населения Алтая стала разрабатываться в этнографической науке с XIX в., но до настоящего времени остается дискуссионной.

Актуализация проблемы внутриэтнической структуры алтайцев в постсоветский период связана с наделением его субэтнических групп статусом коренных малочисленных народов. Факт обретения правового статуса позволяет думать, что произошло конституирование новых этносов. Однако концепция распада алтайского этноса непродуктивна для целостного осмысления его современного развития, поскольку внутри этноса наблюдаются и объединительные этнические процессы.

Путем анализа материалов двух всероссийских переписей населения (2002 и 2010 гг.) и этносоциологических исследований, проведенных в Республике Алтай с 2004 по 2016 гг. автор раскрывает современную этническую идентичность алтайских

The article examines contemporary ethnic processes in the Altai ethnicity and its sub-ethnic groups. We provide an overview of the most fundamental concepts of intraethnic structure of the Altai people as advanced by Russian researchers. Although the issue of ethnic classification of the indigenous people of the Altai has been discussed in ethnography since the

19th century, it still remains a moot point among researchers.

In the post-Soviet period, this issue became still more urgent as the sub-ethnic groups of the Altai people were officially recognized as Protected indigenous minorities. This new legal status seems to suggest that the unified ethnicity of the Altai has collapsed, but such a concept does not allow to take a wide look at how the Altai people is developing, since the centrifugal tendencies are also accompanied by constitutive ethnic tendencies.

Having analyzed the data of two federal censuses

Чемчиева Аржана Петровна — кандидат философских наук, научный сотрудник отдела этнографии Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, д. 17. Тел.: +7 (913) 903-71-45. Эл. адрес: chemchieva@gmail.com

Chemchieva Arzhana Petrovna, Candidate of Philosophy, Research Fellow, Department of Ethnography, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 17 Prospekt Akademika Lavrientieva, 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: Тел.: +7 (913) 903-71-45. E-mail: chemchieva@gmail.com

субэтносов и важнейшие символы коллективной идентичности алтайцев: историческая территория, язык, культура, общие корни, общая историческая судьба.

Обосновывается мнение, что современные этнические процессы (как разделительные, так и объединительные) в среде алтайского этноса являются частью процесса самоопределения алтайских субэтносов. Указывается, что самоопределение алтайских субэтнических групп происходило в двух параллельных плоскостях: политической и этнической. В то же время политическое и этническое самоопределение алтайских субэтносов не были тождественны друг другу. Именно поэтому в настоящее время многие представители алтайских субэтнических групп, обладая политической идентичностью коренного малочисленного народа, продолжают считать себя частью как своей этнической группы, так и алтайского этноса в целом.

Ключевые слова: алтайцы; кумандинцы; тубалары; челканцы; теленгиты; телеуты; субэтнические группы; субэтносы; символ; идентичность; Республика Алтай

(2002, 2010) and those of ethnosociological studies held in the Republic of Altai in 2004-2016, we describe the contemporary ethnic identities of subethnicities of the Altai people, with a focus on the key symbols of their collective identity: historical territory, language, culture, common roots and historical destinies.

We argue that the contemporary ethnic trends among the Altai people – both constitutive and divisive – form a part of a larger process of self-determination among the sub-ethnicities of the Altai. This self-determination happens simultaneously on the planes of the political and the ethnic. At the same time, these two types of self-determination are not identical, and this is why many people in the Altai sub-ethnicities, while possessing a political identity of a protected indigenous minority, continue to self-identify as both belonging to an ethnic sub-group and the Altai ethnicity in general.

Keywords: Altai people; Kumandin; Tubalar; Chelkans; Telengit; Teleut; sub-ethnic groups; sub-ethnicities; symbol; identity; Republic of Altai

Введение

Большинство современных этносов не представляют собой монолитных образований. В составе почти каждого более или менее крупного этноса можно выделить субэтнические группы, между которыми имеются определенные культурные, языковые и антропологические различия. В этом аспекте не является исключением и алтайский этнос.

Целью данной статьи является исследование современных этнических процессов, протекающих в среде алтайского этноса и его субэтнических групп. В соответствии с поставленной целью в статье сформулированы следующие задачи: рассмотреть альтернативные концепции внутриэтнической структуры алтайского этноса в отечественной науке, представить ориентиры этнополитической мобилизации алтайских субэтносов в постсоветский период, охарактеризовать этническую идентичность алтайских субэтносов по итогам всероссийских переписей населения, представить мнение населения о наличии общеалтайской идентичности, раскрыть символы коллективной идентичности алтайцев, обосновать процесс самоопределения алтайских субэтносов.

Аналитический обзор основывается на материалах двух всероссийских переписей населения (2002 и 2010 гг.) и этносоциологических исследований, проведенных автором в Республике Алтай с 2004 по 2016 гг.

Альтернативные концепции структуры алтайского этноса

Проблема этнической классификации коренного населения Алтая стала разрабатываться в этнографической науке еще с XIX в. Этническая характеристика населения региона нашла отражение в трудах таких исследователей, как Г.И.Спасский (Спасский, 1819, 1821), А. М. Горохов (Горохов, 1840), Г. П. Гельмерсен (Гельмерсен, 1840), П. А. Чихачев (Чихачев, 1974), Г. Н. Потанин (Потанин, 1883), В.В. Радлов (Радлов, 1989), В. И. Вербицкий (Вербицкий, 1993), Н.А. Аристов (Аристов, 1896), А. Калачев (Калачев, 1896), С. П. Швецов (Швецов, 1900). В советское и постсоветское время эта тема получила развитие в трудах С.А.Токарева (Токарев, 1936), Н. П. Дыренковой (Дыренкова, 1940), Л. П. Потапова (Потапов, 1969), П. Е. Тадыева (Тадыев, 1964), Г. П. Самаева (Самаев, 1991; 1996), Л.И.Шерстовой (Шерстова, 2005), В. Я. Кыдыевой (Кыдыева, 2008), С. П. Тюхтеневой (Тюхтенева, 2011), Н. В. Екеева (Екеев, 2013).

К настоящему времени исследователями выработано несколько концепций классификации внутриэтнической структуры алтайцев. Основные различия между этими концепциями в основном состоят в особенностях интерпретации авторами состава алтайских субэтнических групп, критериев их выделения и времени их консолидации. При этом следует отметить, что эти концепции при всем их различии дополняют друг друга в некоторых аспектах. Рассмотрим лишь некоторые наиболее фундаментальные концепции.

Концепция В. И. Вербицкого

Одной из первых концепций, сложившихся еще в дореволюционный период нашей истории, является концепция разделения алтайцев на две группы — «северных алтайцев» и «южных алтайцев». Впервые разделение алтайцев по географическому признаку было предложено миссионером В. И. Вербицким, который долго жил среди алтайцев и владел алтайским языком. В своей этнографической работе «Алтайцы» (1870 г.), посмертно переизданной под названием «Алтайские инородцы» (1893 г.) В.И.Вербицкий отнес к южным алтайцам следующие «племена» (термин В.И.Вербицкого): алтайские калмыки (современные алтай-кижи. — А. Ч.), калмыки-двоеданцы (урянхай) (современные теленгиты. — А.Ч.), телеуты. К северным алтайцам В. И. Вербицкий отнес всех жителей северной части Алтая под общим наименованием «черневые татары» (Вербицкий, 1993:

19–21). В своем труде В. И. Вербицкий акцентировал внимание на различиях в формах хозяйствования северных и южных групп алтайцев: южные алтайцы являлись скотоводами, а северные преимущественно занимались рыболовством, охотой, пчеловодством. Язык алтайцев В. И. Вербицкий отнес к тюркскому языку, но выделил в нем северное и южное наречия.

В русле данной концепции следует также рассмотреть работу выдающегося ученого-востоковеда В. В. Радлова «Aus Sibirien» («Из Сибири») (1884г.). В данной работе В. В. Радлов подразделяет коренное население Алтая на «татар Северного Алтая» и «собственно алтайских татар». Эта работа примечательна тем, что В. В. Радлов среди жителей Северного (Северо-Восточного) Алтая выделил четыре группы — кумандинцы, лебединские татары (современные челканцы. — А. Ч.), черневые татары (современные тубалары. — А. Ч.), шорцы. Под собственно алтайскими татарами В. В. Радлов объединил алтайцев и телеутов. К алтайцам В. В. Радлов причислил две группы: 1) с самоназванием «алтай кижжи» (люди с Алтая), именовавшейся русскими «алтайскими горными калмыками»; 2) с самоназванием «чу кижжи» (люди с Чуи), именовавшейся русскими «двоеданцами»¹. При этом В. В. Радлов отмечал, что двоеданцы, живущие на р. Чуе, называют себя «теленгит», на р. Башкаузе — «улан», на р. Чолышмане — «тёлёс». По языку алтайских калмыков и двоеданцев В. В. Радлов заключил, что они уже давно составляют компактное целое. В. В. Радлов отмечал, что в языковом отношении к алтайцам очень близки телеуты, обладавшие самоназванием «теленгет» или «кара калмак» и проживавшие в Кузнецком округе (ныне Кемеровская область. — А. Ч.) (Радлов, 1989: 92–96).

Концепция Л. П. Потапова

В советское время классификация внутриэтнической структуры алтайцев получила более четкое оформление. Известный ученый-этнограф Л.П.Потапов в 1950–1960-х гг. обосновал концепцию этнической многокомпонентности структуры алтайского народа. Фундаментальным трудом по данному концепту стала его работа «Этнический состав и происхождение алтайцев» (Потапов, 1969). Л. П. Потапов в своей работе придерживался сформулированной В. И. Вербицким концепции разделения алтайцев

¹ Речь идет о жителях Алтая, находившихся в конце XVIII — начале XIX веков под двойным протекторатом России и Китая. Неопределенность их статусного положения закончилась в 1864 г. с принятием российского подданства.

на северную и южную группы. Описывая этнический состав алтайцев к началу XX в. Л. П. Потапов относил к северным алтайцам следующие четыре «родо-племенные группы» (термин Л. П. Потапова): тубалары, челканцы, кумандинцы, шорцы. К южным алтайцам ученый отнес еще четыре группы: теленгиты (включая «чу-кижи»), алтай-кижи (включая «майма-кижи»), телёсы (включая «улаан-кижи»), телеуты (там же: 21–22).

Л. П. Потапов утверждал, что до периода социализма между северными и южными алтайцами существовали резкие различия в культуре и быте, по языку и в антропологическом типе, свидетельствующие о различном этническом происхождении и различной истории культуры южных и северных алтайцев (там же: 17). Л. П. Потапов был убежден, что до Октябрьской революции алтайцы не составляли единой народности и не имели общего самоназвания. Однако за советский период истории, по мнению Л.П. Потапова, под влиянием новых общественно-экономических процессов, алтайцы консолидировались в единый народ и у них появилось общее и единое национальное самосознание (там же: 14).

Следует отметить, что в советскую эпоху стирание этнических и культурных различий народов было важным пунктом господствующей идеологии, постулировавшей сближение наций под воздействием ликвидации социально-классовых противоречий. В этой связи в советской этнографической науке формирование алтайского народа стало рассматриваться в качестве одного из наиболее ярких примеров межэтнической консолидации. Это все, в конечном итоге, способствовало принятию теории консолидации алтайского народа за основу при изучении этнических и этногенетических процессов в среде коренного населения Алтая и ее развитию в трудах советских исследователей.

Концепция Л. П. Потапова об этнической многокомпонентности структуры алтайского народа была ведущей вплоть до начала перестройки. Впрочем, некоторые положения концепции в советские годы были пересмотрены. Так, историк П. Е. Тадыев выступил против выделения телёсов в отдельную группу и включения шорцев в состав алтайцев (Тадыев, 1964: 3–4). Знаменитый тюрколог Н.А.Баскаков обосновал наличие в алтайском языке диалектов, объединяющихся в две группы — северную и южную. Н.А. Баскаков указывал, что в диалектах северных алтайцев преобладают уйгуро-огузские, а в диалектах южных алтайцев — киргизско-кыпчакские компоненты тюркских языков. Исходя из лингвистической классификации, Н. А. Баскаков выделял две этнические группы алтайцев: северные

алтайцы в составе кумандинцев, тубаларов, челканцев и южные алтайцы — алтай-кижи, теленгитов и телеутов (Баскаков, 1958: 29).

Концепция Г. П. Самаева

В начале 1990-х гг. в российской науке в связи с уменьшением идеологического давления и контроля, расширением возможностей для изложения и отстаивания оппозиционных точек зрения развернулся процесс коррекции и пересмотра устоявшихся теорий. В эти годы концепция Л.П.Потапова была подвергнута критике историком Г. П. Самаевым. Г.П.Самаев обратил внимание на то, что представления об этногенезе алтайцев сложились в исторической литературе на основе выводов, базирующихся, главным образом, на этнографических материалах конца XIX — начала XX в. (Самаев, 1991: 23).

Сам Г. П. Самаев обратился к архивным источникам XVII–XVIII вв. и сопоставил их с этнографическими данными. В результате Г. П. Самаев пришел к выводу о несостоятельности представлений о разделении алтайцев в XVII–XIX вв. на множество разрозненных этнических групп. Г. П. Самаев утверждает, что южные алтайцы в прошлом составляли единую народность с самоназванием «теленгит». При этом теленгиты подразделялись на три основные части. Центральная группа называлась алтай-теленгитами или просто алтайцами. От них ведет свое происхождение основная масса современного алтайского народа. Восточные теленгиты были предками современных алтайцев Кош-Агачского и Улаганского районов (бывшие двоеданцы. — А.Ч.). За северо-западной группой теленгитов в научной литературе закрепилось название «телеуты». Сами они называли себя теленгитами или ак-теленгитами. Малочисленные потомки ак-теленгитов сохранились ныне на западе Кемеровской области. Что касается северных алтайцев, то Г. П. Самаев убежден, что они были близки к теленгитам по языку и происхождению, но не составляли единой общности и состояли из трех близкородственных малочисленных этнических групп: тубаларов, кумандинцев и челканцев (Самаев, 1996: 5).

Концепция Л. И. Шерстовой

Концепция Г. П. Самаева о едином теленгитском этносе частично перекликается с исследованиями этнографа Л. И. Шерстовой (Шерстова, 2005).

По данным Л. И. Шерстовой до джунгаро-китайской войны (1755–1759 гг.) обитатели юго-восточного Алтая составляли этнически целостное образование с жителями западной и центральной его частей, следствием чего являлось употребление теми и другими самоназвания «теленгит». Со временем в среде алтайцев стал развиваться процесс этнического обособления. Этнической дифференциации алтайцев поспособствовал политический фактор, а именно то, что первая группа алтайских аборигенов (кан-каракольцы), перейдя в 1756 г. в российское подданство, так и осталась в сфере фактической юрисдикции России. Вторая же группа обрела и надолго сохранила статус двоеданцев и, обитая в непосредственной близости от китайских пограничных постов, платила подати и Петербургу, и Пекину.

В итоге, по мнению Л. И. Шерстовой, к середине XIX в. в Южном Алтае обозначились два местных очага и направления этногенеза: Катунский левобережный и юго-восточный (Чуйский). Чуйцы в конце концов удержали за собой былой общий этноним «теленгит», а западные алтайцы закрепили за своей общностью новый этноним «алтай-кижи» и в начале XX в. для этнической самоидентификации они уже повсеместно пользовались только им (там же: 203).

Л. И. Шерстова выразила несогласие с утверждением Г. П. Самаева о близости к теленгитскому этносу кумандинцев, тубаларов и челканцев. По ее мнению, основная масса североалтайских тюрков к началу XX в. продолжала пребывать в этнически аморфном состоянии, и лишь административные границы обеспечивали некоторое обособление отдельных групп. Выделение кумандинцев, тубаларов, челканцев в качестве особых этносов произошло, по мнению Л.И.Шерстовой, чисто произвольным путем, когда в практику была механически перенесена научная этнолингвистическая классификация В. В. Радлова — так же, как в случае с шорцами. Североалтайские тюрки слабо сознавали свою этнографическую специфику, а их родовое сознание размывалось русификацией и сохранением исторической памяти о близком родстве всех общностей Обь-Енисейского верхнего междуречья. Л. И. Шерстова утверждает, что северные алтайцы: челканцы, кумандинцы, тубалары, по всем этнопоказательным характеристикам вплоть до языка, этногенеза, исторических взаимоотношений с Россией более тяготели к Шории, Хакасии, Нижней Томи (там же: 208).

Л. И. Шерстова полагает, что к началу XX в. в горах Алтая, в силу благоприятного стечения внутренних и внешних обстоятельств, эндогенные процессы привели к формированию довольно многочисленного этноса

алтай-кижи в виде этноконфессиональной общности с четкой этнической самоидентификацией. По мнению ученого, у алтай-кижи, этническое (этноконфессиональное) самосознание оформилось под влиянием эндогенной национальной религии (бурханизм), которая окончательно выделила его из родственного по прочим параметрам теленгитского окружения и жестко противопоставила всем иноэтничным соседям (там же: 214). Впоследствии, по мнению Л. И. Шерстовой, алтай-кижи, будучи этнически более монолитными, «притянули» к себе аморфные общности Северного Алтая и теленгитов. (там же: 269).

Этнополитическая мобилизация алтайских субэтносов в постсоветский период

Рассмотренные концепции этнической классификации коренного населения Алтая показывают, что в основе их лежат традиции отечественной науки и совокупные усилия многих ученых. Теоретические обобщения исследователей опираются на серьезные методологические идеи и обширные архивные источники. Тем не менее, несмотря на значительное количество исследовательских работ, по данной теме есть еще много дискуссионного, неустоявшегося, нуждающегося в дальнейшем изучении и обсуждении.

К дальнейшему исследованию проблемных вопросов этнической классификации алтайцев располагают и происходящие в наши дни в Республике Алтай этнополитические процессы. С начала 1990-х гг. в развитии алтайцев под влиянием демократических преобразований в стране стали наблюдаться новые тенденции, которые подвергли сомнению теорию консолидации алтайского этноса.

В эти годы происходит рост этнического самосознания алтайцев, их этнополитическая мобилизация вокруг идеи национально-культурного возрождения. Одновременно актуализировалось субэтническое самосознание северных алтайцев. Представители кумандинцев, тубаларов и челканцев акцентировали внимание на тяжелом положении своих этнических групп и указывали, что в северных районах исчезло много алтайских сел, что стремительно угасает их традиционная культура и развивается процесс ассимиляции, что вследствие бездумного уничтожения леспромхозами кедровой тайги возникли острейшие экологические проблемы. В этой связи северные алтайцы выдвинули программы по сохранению культурного своеобразия и выступили за признание их исчезающими народами.

В 1993 г. кумандинцы, проживающие в Алтайском крае, и телеуты, проживающие в Кемеровской области, добились отнесения своих этнических групп к малочисленным народам Севера. Позднее в 2000 г. кумандинцы и телеуты были включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. Наряду с ними в этот список были включены и тубалары, челканцы, теленгиты. При этом если тубалары и челканцы оказались в рассматриваемом перечне вполне закономерно, путем демократических процедур, то теленгиты оказались в перечне совершенно неожиданно.

Решение о включении теленгитов в реестр малочисленных народов было принято кулуарно в правительственных кругах республики. Этнограф С. П. Тюхтенева полагает, что поводом для принятия властями республики такого решения, послужило, вероятно то, что в 1992 г. территории проживания теленгитов — Кош-Агачский и Улаганский районы (с экстремальными условиями для жизнедеятельности) были приравнены к районам Крайнего Севера. По мнению С.П. Тюхтеновой, в тот период, это решение властей республики было понятно и объяснимо: они стремились обеспечить приемлемый уровень жизни для населения в сложных социально-экономических условиях «переходного» периода (Тюхтенева, 2011: 43–44).

Включение теленгитов в Единый перечень коренных малочисленных народов стало для них неожиданностью. Оправившись от вызванного известием ошеломления, теленгиты созвали свои курултаи. Общее мнение участников данных курултаев было таково, что теленгиты не отделяют себя от алтайского народа, что алтайцы — это единый этнос. Также прозвучало предложение именовать себя по примеру соседей тувинцев-тоджинцев алтайцами-теленгитами. В то же время представители теленгитов высказались за то, что необходимо воспользоваться появившимися возможностями и участвовать в федеральных программах для развития культуры и языка теленгитов (Чемчиева, 2012: 48).

Этническая идентичность алтайских субэтносов по итогам переписей населения

Факт обретения алтайскими субэтническими группами правового статуса коренных малочисленных народов позволяет думать, что произошло разделение алтайцев и конституирование новых этносов. Однако на наш взгляд, концепция распада мало плодотворна для целостного осмысления

современного развития алтайского этноса, поскольку сосредоточена на обсуждении, прежде всего, разделительных этнических процессов и их последствий. Из поля зрения данной концепции практически выпадает тот факт, что внутри алтайского этноса, наряду с разделительными, наблюдаются и объединительные этнические процессы. Анализ этнополитической ситуации свидетельствует о наличии в Республике Алтай сил, заинтересованных в сохранении единства алтайского этноса и предпринимающих реальные действия против обособления алтайских субэтносов. В качестве примера обратим внимание на итоги двух Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

В период подготовки к первой Всероссийской переписи населения 2002г. кумандинцы, тубалары, челканцы и теленгиты были уже выделены в отдельные этнические категории и введены в алфавитный перечень национальностей и этнических наименований, разработанный Институтом этнологии и антропологии РАН. Данное обстоятельство поставило часть представителей алтайских субэтнических групп, обладавших двойственной этнической идентичностью, в жесткие рамки выбора — определять себя во время переписи только алтайцами или только представителями того или иного алтайского субэтноса.

В этой связи накануне переписи в Республике Алтай широко распространились опасения о возможности уменьшения численности титульного алтайского этноса вследствие предпочтения в ходе переписи представителями кумандинцев, тубаларов, челканцев и теленгитов субэтнической идентичности, что в итоге могло привести к утрате статуса республики. Для предотвращения подобного сценария развития событий заинтересованные силы в республике провели через СМИ пропагандистскую кампанию в пользу единства алтайского этноса и важности сохранения статуса республики.

В итоге в ходе переписи в Республике Алтай к представителям коренных малочисленных народов отнесли себя 5662 человека (8,3% от всего числа алтайского населения). Из них 931 человек назвал себя кумандинцем, 1533 — тубаларами, 830 — челканцами и 2368 — теленгитами. К алтайцам же в республике отнесли себя 62192 человека. Результаты переписи показали, что в районах компактного проживания алтайских субэтносов основная масса коренного населения предпочла записаться алтайцами. Так, идентифицировали себя с алтайцами в Кош-Агачском районе 95,2% коренных жителей, в Майминском — 93,7%, Улаганском — 77,6%, Чойском — 50,8% и только в Турочакском р-не 27,6% коренных жителей (Чемчиева, 2012: 177).

В 2010 г. накануне проведения второй Всероссийской переписи населения в Республике Алтай также вновь зазвучали призывы «записываться» алтайцами. В это же время в республиканской прессе стал широко обсуждаться вопрос о необходимости предоставления представителям алтайских субэтнотетносов возможности выражения своей двойственной этнической идентичности.

Всероссийская перепись населения 2010 г. продемонстрировала увеличение численности кумандинцев, тубаларов, челканцев и теленгитов по сравнению с 2002 г. В Республике Алтай к представителям коренных малочисленных народов отнесли себя 7714 человек (11,0% от всего числа алтайского населения). По итогам переписи численность кумандинцев составила 1062 человека, тубаларов — 1891 чел., челканцев — 1113 чел., теленгитов — 3648 чел. Соответственно, в районах компактного проживания алтайских субэтнотетносов снизилась доля лиц, «записавшихся» алтайцами. Так, идентифицировали себя с алтайцами в Кош-Агачском районе 88,7% коренных жителей, в Майминском — 85,3%, в Улаганском — 72,1%, в Чойском — 50,6%, в Турочакском — 20,4% (Чемчиева, 2012: 178).

Обратим внимание, что в ходе последней переписи руководство Республики Алтай добилось как подсчета численности отдельных алтайских субэтнотетнических групп, так и одновременного их учета в составе алтайцев (кроме кумандинцев). Поэтому численность алтайцев (включая тубаларов, челканцев и теленгитов) составила в Республике Алтай 68814 человек.

Общеалтайская идентичность: мнение населения

Рассмотрение итогов всероссийских переписей населения вызывает вопрос: почему в ходе переписей многие представители алтайских субэтнотетносов идентифицировали себя с алтайским этносом в целом? В особенности этот вопрос касается теленгитов, численность которых в районах их компактного проживания достигает 16 тыс. человек. Действительно ли их выбор обуславливался лишь желанием отстоять статус родной республики?

Ответы на эти вопросы могут дать материалы проведенного нами в 2004 г. этносоциологического исследования (Чемчиева, 2012: 185–188). Анализ полученных данных позволил увидеть впечатляющую картину мнений представителей алтайских субэтнотетнических групп о своей этнической идентичности.

Так, в ходе этносоциологического исследования в Республике Алтай мы обратились к представителям северных (кумандинцы, тубалары, челканцы) и южных (алтай-кижи, теленгиты) алтайцев со следующим вопросом: «Как Вы считаете, алтайцы — это один народ или разные народы?». По итогам опроса, около двух третей респондентов (65,9%) высказалось, что считают все алтайские субэтнические группы одним народом. С ними не согласились 27,6% опрошенных.

Далее, для более глубокого понимания представлений респондентов, мы задали им вопрос: «На чем основывается Ваше мнение?» Суждения, высказанные респондентами на этот открытый вопрос, были подвергнуты контент-анализу и сгруппированы в отдельные категории. Ответы респондентов, считавших алтайские этнические группы одним народом, позволили нам представить основные символы этнической идентичности алтайцев, как единого народа.

Прежде всего, 37,5% опрошенных заявили, что считают алтайцев одним народом, поскольку они едины. Для этой части опрошенных единство самосознания, языка и культуры алтайцев являлось неоспоримым фактом. 20,8% респондентов обосновала этническое единство алтайцев проживанием на своей родной земле — на Алтае. 18% опрошенных указали на общие корни, подчеркивая происхождение алтайских этнических групп от одного генетического (тюркского) корня. 13,1% респондентов указали на общность культуры и обращали внимание на единообразие элементов культуры алтайских этнических групп — обычаев и традиций, религии, образа жизни. 11,8% опрошенных указали на единство языка алтайских этнических групп. С их точки зрения, несмотря на наличие отдельных диалектов, алтайский язык является единым. 10,2% респондентов заявили, что выступают против разделения алтайцев. Данный аргумент содержался в ответах людей, квалифицировавших наделение алтайских субэтносов статусом малочисленных народов как искусственное разделение алтайского народа. 6,5% опрошенных указали на общее историческое прошлое, на общность исторической судьбы. 2% респондентов указали на сходство внешности¹.

Наше эмпирическое исследование позволяет сделать вывод, что в ходе последних переписей населения многие представители алтайских субэтносов идентифицировали себя с алтайским этносом в целом вследствие того, что рассматривают субэтнические группы алтайцев как части еди-

¹ Сумма превышает 100%, т. к. респонденты могли указать несколько аргументов.

ного этноса. Важнейшими символами единства алтайского народа признаются историческая территория, язык, культура, общие корни, общая историческая судьба. На этом основании можно заключить, что общеалтайская идентичность не является мифом, многие представители алтайских субэтносов осознают и ощущают взаимосвязь друг с другом и сохраняют коллективную память о принадлежности к одному народу.

Заключение

С момента включения алтайских субэтнических групп в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации прошло семнадцать лет. И все эти годы в Республике Алтай не утихает полемика по проблеме единства алтайского этноса. В рамках этой дискуссии представителей алтайских субэтносов нередко упрекают в разделении алтайского народа, непатриотизме, отступлении от общеалтайских интересов, которое может повлечь за собой ликвидацию конституционно-правового статуса республики. В свою очередь, общественные деятели алтайских субэтносов на протяжении многих лет подчеркивают, что не преследуют цели дробления алтайского этноса, но лишь ведут работу по спасению исчезающих алтайских этнических групп и также готовы защищать статус республики.

С нашей точки зрения, эта полемика — результат недоразумения. Все дело в том, что население республики трактует статус коренного малочисленного народа только в этническом смысле. Между тем в этом статусе переплетаются и этнические, и политические свойства.

На наш взгляд современные этнические процессы (как разделительные, так и объединительные), наблюдаемые в среде алтайского народа являются частью более масштабного исторического явления — самоопределения алтайских субэтносов. Говоря о самоопределении алтайских субэтнических групп, мы имеем в виду процесс определения данными группами собственной идентичности, перспектив своего бытия, вектора развития. Мы полагаем, что механизм самоопределения активизировался в среде алтайских субэтносов в конце 1980 — начале 1990-х гг. В это время алтайские субэтнические группы столкнулись с потребностью поиска наиболее успешной стратегии своего развития в целях преодоления кризисных тенденций и решения вставших перед ними проблем.

Самоопределение алтайских субэтнических групп происходило в двух параллельных плоскостях: политической и этнической. На этническом уровне алтайские субэтноты осуществляли выбор своей этнической идентичности, уточняли ее на уровне группы. На политическом уровне алтайские этнические группы осуществляли выбор новой парадигмы своего политического, социального и экономического развития, нового политико-правового статуса. И этот политический выбор был сделан алтайскими субэтнотами в пользу обретения статуса коренных малочисленных народов. Политический выбор статуса коренных малочисленных народов был обусловлен возможностью сохранения этнических групп, экономической выгодой для представителей этих групп.

В то же время политическое и этническое самоопределение алтайских субэтнотосов не тождественны друг другу. Именно поэтому многие представители алтайских субэтнических групп, обладая политической идентичностью коренного малочисленного народа, продолжают считать себя частью как своей этнической группы, так и алтайского этноса в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристов, Н. А. (1896) Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Вып. 3–4. С. 277–456.
- Баскаков, Н. А. (1958) Алтайский язык (введение в изучение алтайского языка и его диалектов). М. : Изд-во Академии наук СССР. 115 с.
- Вербицкий, В. И. (1993) Алтайские инородцы. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография. 270 с.
- Гельмерсен, Г. П. (1840) Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая // Горный журнал. Ч. 1, Кн. 1. С. 41–61; Кн. 11. С. 239–261; Ч. 11. Кн. 4. С. 17–57.
- Горохов, А. М. (1840) Краткое этнографическое описание бийских или алтайских калмыков, составленное из записок бывшего земского исправника Бийского уезда Томской губернии гр. Горохова // Журнал Министерства внутренних дел. № 11. С. 201–228.
- Дыренкова, Н. П. (1940) Грамматика ойротского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 303 с.
- Екеев, Н. В. (2013) К проблеме образования алтайского этноса // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Т. 10. № 5. С. 146–151.
- Калачев, А. (1896) Поездка к теленгетам на Алтай // Живая старина. Вып. 3–4. С. 477–488.
- Кыдыева, В. Я. (2008) Этноним «алтайцы» в работах исследователей середины XIX – начала XXI веков // Исторический вестник: сборник научных трудов. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ. С. 71–92.

- Потанин, Г. Н. (1883) Очерки Северо-Западной Монголии. СПб. Вып. IV. 1042 с.
- Потапов, Л. П. (1969) Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л. : Наука. 196 с.
- Радлов, В. В. (1989) Из Сибири: Страницы дневника. М. : Наука. 749 с.
- Самаев, Г. П. (1991) Горный Алтай в XVII — середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва. 256 с.
- Самаев, Г. П. (1996) Присоединение Алтая к России (исторический обзор и документы). Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография. 120 с.
- Спасский, Г. И. (1819) Путешествие к алтайским калмыкам в 1806 г. // Сибирский вестник. 1819. Ч. 3. С. 26–64, Ч. 4. С. 66–100.
- Спасский, Г. И. (1821) Телеуты или белые калмыки // Сибирский вестник. 1821. Ч. 13. С. 2–14. Ч. 16. С. 280–287.
- Тадыев, П. Е. (1964) Этнический состав дореволюционных алтайцев и особенности их административного устройства // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. № 6. С. 3–16.
- Токарев, С. А. (1936) Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л.: Соцэкгиз. 154 с.
- Тюхтенева, С. П. (2011) Теленгиты Республики Алтай между двумя переписями населения // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. С. 43–45.
- Чемчиева, А. П. (2012) Алтайские субэтносы в поисках идентичности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 254 с.
- Чихачев, П. А. (1974) Путешествие в Восточный Алтай. М.: Наука. 360 с.
- Швецов, С. П. (1900) Горный Алтай и его население. Барнаул. Т. 1. Вып. 1. 557 с.
- Шерстова, Л. И. (2005) Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 312 с.

Дата поступления: 11.01.2017 г.

REFERENCES

- Aristov, N. A. (1896) Zametki ob etnicheskom sostave tiurkskikh plemen i narodnostei i svedeniia ob ikh chislennosti. *Zhivaia starina*, vol. 3–4, pp. 277–456. (In Russ.).
- Baskakov, N. A. (1958) *Altaiskii iazyk (vvedenie v izuchenie altaiskogo iazyka i ego dialektov)*. Moscow, Akademia nauk SSSR Publ. 115 p. (In Russ.).
- Verbitskii, V. I. (1993) *Altaiskie inorodtsy*. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskaia tipografiia. 270p. (In Russ.).

- Gel'mersen, G. P. (1840) Teletskoe ozero i teleuty Vostochnogo Altaia. *Gornyi zhurnal*, vol. 1, b. 1, pp. 41–61; b. 11, pp. 239–261; vol. 11, b. 4, pp. 17–57. (In Russ.).
- Gorokhov, A. M. (1840) Kratkoe etnograficheskoe opisanie biiskikh ili altaiskikh kalmykov, sostavlennoe iz zapisok byvshego zemskogo ispravnika Biiskogo uezda Tomskoi gubernii gr. Gorokhova. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*, no. 11, pp. 201–228. (In Russ.).
- Dyrenkova, N. P. (1940) *Grammatika oirotского iazyka*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ. 303 p. (In Russ.).
- Ekeev, N. V. (2013) K probleme obrazovaniia altaiskogo etnosa. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*, vol. 10, no. 5, pp. 146–151.
- Kalachev, A. (1896) Poezdka k telengetam na Altai. *Zhivaia starina*, vol. 3–4, pp. 477–488. (In Russ.).
- Kydyeva, V. Ia. (2008) Etnonim «altaitsy» v rabotakh issledovatelei serediny XIX – nachala XXI vekov. In: *Istoricheskii vestnik: sbornik nauchnykh trudov*. Gorno-Altai, RIO GAGU. Pp. 71–92. (In Russ.).
- Potanin, G. N. (1883) *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii*. St. Petersburg. Vol. IV. 1042 p. (In Russ.).
- Potapov, L. P. (1969) *Etnicheskii sostav i proiskhozhdenie altaitsev. Istoriko-etnograficheskii ocherk*. Leningrad, Nauka. 196 p. (In Russ.).
- Radlov, V. V. (1989) *Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika*. Moscow, Nauka. 749 p. (In Russ.).
- Samaev, G. P. (1991) *Gornyi Altai v XVII – seredine XIX v.: problemy politicheskoi istorii i prisoedineniia k Rossii*. Gorno-Altai, Gorno-Alt. otd-nie Alt. kn. izd-va. 256 p. (In Russ.).
- Samaev, G. P. (1996) *Prisoedinenie Altaia k Rossii (istoricheskii obzor i dokumenty)*. Gorno-Altai, Gorno-Altaiaskaia tipografiia. 120 p. (In Russ.).
- Spasskii, G. I. (1819) Puteshestvie k altaiskim kalmykam v 1806 g. In: *Sibirskii vestnik*, vol. 3, pp. 26–64, vol. 4, pp. 66–100. (In Russ.).
- Spasskii, G. I. (1821) Teleuty ili belye kalmyki. *Sibirskii vestnik*, vol. 13, pp. 2–14, vol. 16, pp. 280–287. (In Russ.).
- Tadyev, P. E. (1964) Etnicheskii sostav dorevoliutsionnykh altaitsev i osobennosti ikh administrativnogo ustroistva. In: *Uchenye zapiski GANIIIIaL*, no. 6, pp. 3–16. (In Russ.).
- Tokarev, S. A. (1936) *Dokapitalisticheskie perezhitki v Oirotii*. Leningrad, Sotsekgiz. 154 p. (In Russ.).
- Tiukhteneva, S. P. (2011) Telengity Respubliki Altai mezhdum dvumia perezisiami naseleniia. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 3, pp. 43–45. (In Russ.).
- Chemchieva, A. P. (2012) *Altaiskie subetnosy v poiskakh identichnosti*. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ. 254 p. (In Russ.).
- Chikhachev, P. A. (1974) *Puteshestvie v Vostochnyi Altai*. Moscow, Nauka. 360 p. (In Russ.).
- Shvetsov, S. P. (1900) *Gornyi Altai i ego naselenie*. Barnaul. Vol. 1. 557 p. (In Russ.).

Sherstova, L. I. (2005) *Tiurki i russkie v Iuzhnoi Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaia dinamika XVII — nachala XX veka*. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ. 312 p. (In Russ.).

Submission date: 11.01.2017.

Для цитирования:

Чемчиева А. П. Субэтнические группы алтайцев: противоречия и символы коллективной идентичности [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/701> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.6

For citation:

Chemchieva A. P. Sub-ethnic groups of the Altai people: contradictions and symbols of a collective identity. *New Research of Tuva*. 2017, no. 1. [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/701> (access date: dd.mm.yy.) DOI: 10.25178/nit.2017.1.6